

N.A. Gridneva (Russia, Samara)

**THE PROBLEM OF NARRATIVE IDENTITY
IN E. VODOLAZKIN'S NOVEL "AVIATOR"**

The article deals with the problem of self-identification in E. Vodolazkin's novel «Aviator». The long and difficult process of protagonist's searching for himself is analyzed from the perspective of P. Ricoeur's narrative identity conception.

Key words: *identity, self-identification, narrative, Vodolazkin, Ricoeur.*

УДК 821.112.2

Г.В. Кучумова (Россия, Самара)

**АНЕКДОТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС:
РОМАН ДАНИЭЛЯ КЕЛЬМАНА «ИЗМЕРЯЯ МИР»**

Роман Даниэля Кельмана «Измеряя мир» (2005) рассматривается в анекдотическом дискурсе. Рассказанные в романе анекдотические истории стянуты под зонтик единой метафоры «измерение мира», что позволяет высветить основные тезисы и максимы культуры Просвещения. В повествовании о великих немцах эпохи Просвещения Кельман виртуозно сочетает юмор и легкую иронию. Автор развенчивает язык рациональности, высмеивает авторитеты, пародирует официальные культурные коды. Вместе с тем в анекдотических зарисовках Кельмана чувствуется высокий пиетет перед немецкими просветителями, ностальгическая грусть о том, что время великих «навигаторов» прошло.

Ключевые слова: *роман «Измеряя мир», Даниэль Кельман, анекдотический дискурс, авторский анекдот, игровой диалог, немецкое Просвещение.*

Постмодернистская реальность нового рубежа веков расстается с «великими нарративами» (Лиотар), претендующими на целостное мировоззрение, и переводит культуру в состояние идейной и эстетической эклектики, фрагментарности, мозаичности, веселости и необязательности. Адекватным отражением такого миро-

восприятия выступает литературная форма «анекдот». Обнаруживая удивительную органичность в новой среде, анекдот перемещается из фольклорной сферы в сферу письменной фиксации, сохраняя при этом свою специфику. Эстетическая сверхзадача каждого авторского анекдота в тексте порождает общий эффект амбивалентного свойства. С одной стороны, анекдот высмеивает авторитеты, правящую власть, демифологизирует социальные и культурные мифы общественного сознания, пародирует официальные культурные коды; с другой же – сохраняет, передает и закрепляет в культуре сложившиеся стереотипы (социальные, культурные, национальные).

Научные исследования анекдотического дискурса в новейшем немецкоязычном романе еще немногочисленны. А.В. Елисеева изучает взаимосвязи художественной прозы и анекдотического нарратива в романах «*Russen disco*» Владимира Каминера (род. в 1967 г.) и «Солнечная аллея» Томаса Бруссига (*Thomas Brussig*, род. в 1965 г.). Она отмечает, что анекдотический нарратив успешно интегрируется в художественную прозу постмодернизма, сохраняя при этом свои неизменные качества краткости и неожиданности, но вместе с тем приобретая новые. Так, вместо устойчивого набора фигурантов традиционного анекдота действуют конкретные герои художественного текста, которые ведут себя уже в ином эстетическом окружении. В силу этого правильнее говорить об анекдотическом дискурсе или анекдотическом нарративе [Елисеева 2015: 75].

В анекдотическом ключе рассматриваются романы Томаса Бруссига «Солнечная аллея» (*Am kürzeren Ende der Sonnenallee*, 1999) и «Герои вроде нас» (*Heldenwiewir*, 1995) [Кучумова, Барабанова 2019]. В них Бруссиг осуществляет ревизию всего социокультурного пространства Германии после «поворота» 1989 года. В авторских анекдотах, встроенных в текст романа, писатель высмеивает коммунистическую идеологию и идеологию потребительскую разными средствами манипулирующими сознанием человека. Техника изображения варьируется от легкой иронии до грубого гротеска и непристойностей. Provokationный юмор

Бруссига складывается в сложную интеллектуальную конструкцию демифологизации, которая освобождает читателя от эмоционального диктата вульгарного комизма и побуждает его к самокритическому взгляду.

Высокий градус ироничного, смешного и забавного задает австрийский писатель Даниэль Кельман (*Daniel Kehlmann*, род. в 1975 г.) в романе *Die «Vermessung der Welt»* (2005, в русском переводе «Измеряя мир»), получивший феноменальную популярность в мировой литературе [Preusser 2008]. Традиционно роман рассматривается в аспекте полижанровости с использованием разной исследовательской оптики: историко-биографический роман, роман-пародия на жанр «парадного портрета», роман-«культурный каталог», постмодернистский роман воспитания, роман путешествия и роман-метафора [Пестерев 2013].

В анекдотическом дискурсе роман «Измеряя мир» предстает как игровая рефлексия современного автора на крушение проекта европейского Просвещения. Через романную метафору «измерение мира» Кельман вовлекает своего читателя в ироничную игру с культурными ценностями эпохи, инсценирует многоаспектный игровой диалог с немецкими Просвещением, обозначая важные аспекты для реинтерпретации его достижений [Кучумова 2020: 12].

Комические эпизоды и вымышленные ситуации в романе напоминают анекдоты, веселые истории из жизни великих людей. В немецкой культуре понятие *die Anekdote* используется для обозначения короткого смешного рассказа о каком-нибудь историческом лице в обыденной ситуации (например, *Anekdote um Goethe*). Эффект от этой эстетической игры «напоказ» создается откровенной «небылицей», фантазийными допущениями, которые происходят в очевидной реальности.

В романе «Измеряя мир» авторской мишенью становятся знаковые фигуры немецкого Просвещения, в научной мифологии рационально выстроенные и скучные. Именно поэтому Кельману весело сбрасывать эти «гипсовые головы» (*Gipsenköpfe*) с их «серьёзного» пьедестала, сдуть с них вековую

пыль. В повествовании о великих немцах Кельман развенчивает язык рациональности, иронически высвечивает основополагающие универсалии новоевропейской мысли эпохи Просвещения, сатирически заостряет идеологические и культурные позиции того времени.

В романе представлена целая галерея «парадных портретов» исторических деятелей, писателей и мыслителей немецкого Просвещения: веймарские классики (Гёте, Шиллер, Виланд), известные философы и историки (Кант, Гегель, Шеллинг, Лихтенберг, Фостер, Гердер), естествоиспытатели и математики (Гаусс, Мебиус) и другие. Элементы их реальной биографии забавно обыгрываются автором романа, создавая особое напряжение между «правдой факта» и «правдой вымысла» («биографическая иллюзия») [Белобратов 2010: 527]. Гениальных немцев Кельман помещает в густоту повседневной жизни с ее заботами, привычками, ритуалами и т.д. Его герои испытывают творческий азарт, одержимость к измерению мира, наслаждаются мировым признанием в ученом сообществе, решают семейные проблемы, испытывают измененные состояния сознания (психоделический опыт), стареют, дряхлеют, теряют интерес к жизни.

Две фигуры в романе становятся «сюжетогенными». Александр фон Гумбольдт (*Alexander von Humboldt*) – уникальный ученый- естествоиспытатель своего времени, путешественник и натуралист, философ и географ. Его познавательная траектория (от земного измерения к метафизическим координатам) позволяет заострить вопрос о разрушении принципа европоцентризма, доминировавшего в эпоху Просвещения в изучении мирового исторического процесса. Другая стратегия измерения представлена фигурой гениального математика Карла Фридриха Гаусса (*Carl Friedrich Gauß*). «Король математики», гений-самоучка, человек научной самодостаточности, он занимается измерениями ближнего круга (основы геодезии), рассчитывает орбиты небесных тел, придумывает дифференциальную геометрию.

Абсолютная непохожесть двух ученых-просветителей задается в начальном эпизоде романа их встречи на Немецком конгрессе естествоиспытателей в Берлине 1828 года. Символика здесь про-

зрачна: два представителя гуманитарной науки и естествознания в одном кадре. Гумбольдт настаивает на совместном дагеротипе (фотографии). Длительность этой процедуры рассматривается в комическом ключе. Долгое стояние перед фотокамерой вынуждает Гаусса вести себя неподобающим образом: он нетерпеливо дергается всем телом, издает стонущие звуки, предпринимает попытку убежать из кадра. В результате – неудачное фото, размытое изображение «как клубок привидений» [Кельман 2009: 11]. Здесь величие «короля математики» умалается и соотносится с поведением капризного ребенка.

Кельман намеренно снижает значимость фигуры гения, знаковой для немецкого культурного контекста и для постмодернистской культуры в целом, гротескно заостряет одержимость обоих чудаков-измерителей и значимость всякого измерения, когда мир и человек низводятся до функции измеримых вещей. Так, он описывает путешествие «землемера» Гумбольдта как череду анекдотов, акцентируя его страсть к измерениям. Гумбольдт «измерял каждый холм. Взбирался на каждую гору. Отколупывал куски породы от каждой скалы» (41-42). *Er vermäss jeden Hügel. Er erklohm jeden Berg. Er klopfte Steinproben von jeder Felswand* [Kehlmann 2008: 41]. Обвешанный измерительными приборами, «он носился по полям и холмам, и местные жители считали его придурком» (19). *Die Einheimischen hielten ihn für verrückt* (38). Точность приборов из измерительного арсенала Гумбольдта (барометр, теодолит, гигрометр, лейденская банка и многое др.) забавно соотносится с надежностью прибора из лаборатории одного бразильского старика, никогда не покидавшего свою деревеньку. Бразильский чудак сконструировал «самодельный аппарат, стрелки которого вышибало, если вблизи него лгали или несли всякую чушь» (45). *Auch eine primitive Maschine, deren Zeiger ausschlugen, wenn man in ihrer Nähe log oder dummes Zeug redete* (103).

Кельман высмеивает научное упрямство «короля математики». Гаусс просит работников спилить деревья, поскольку ему необходимо провести прямую линию и измерить расстояние тео-

долитом. Здесь обнажается сам смысловой механизм анекдотического жанра: буквализация метафоры (в данном примере – «прямолинейный человек»).

Смешной предстает в романе и фигура «олимпийца» Иоганна Вольфганга Гёте. Отправляющемуся в познавательное путешествие Александру, он поручает ответственное дело – разобраться с гипотезой «нептунизма». Для подтверждения научной гипотезы усердный Александр повсюду измеряет температуру Земли: «чем глубже спускаешься, тем она выше» (16). *Er stellte Temperaturmessungen an: Je tiefer man herabstieg, desto wärmer wurde es* (30). На примере авторского анекдота о Гёте, приверженце нептунистов (*Über den Granit*, 1784) [Goethe 1982], Кельман освещает масштабы конфликта между поборниками материализма (Плутон) и идеализма (Нептун) в XVIII-XIX вв.

Параллельное повествование о двух представителях науки эпохи Просвещения акцентирует в романе глубинную взаимосвязь между естественными и гуманитарными науками. В анекдотической зарисовке Кельман обыгрывает традиционные модели воспитания и образования того времени, ставит под сомнение философскую традицию искусственного разделения наук, исключаящую из своего рассмотрения человека. Так, семейство Гумбольдтов из низшей знати просит совета в вопросах воспитания у великого Гете. Тот рекомендует провести воспитательный эксперимент: жребием определить пути обучения двух детей в семье. Так, Вильгельм знакомится с языками и литературой, а Александр посвящает себя естественным наукам. *Es handle sich um ein Experiment. Der eine soll zum Mann der Kultur ausgebildet werden, der andere zum Mann der Wissenschaft* (20).

В романе интересна анекдотическая история «Визит Гаусса к Канту». Гаусс видит в комнате, потолок которой покрыты густой паутиной, сидящую в кресле тщедушную фигуру впавшего в маразм философа, кёнигсбергского затворника Иммануила Канта. В разговоре с ним Гаусс не соглашается с идеей Канта о евклидовом пространстве как форме восприятия, пространстве, лежащего априори вне опыта («Критика чистого разума»). Гаусс уверен:

пространство само по себе складчатое, искривленное и довольно причудливое. *Der Raum sei faltig, gekrümmt und sehr seltsam* (96). Старик Кант, пускающий слюну на подбородок, внимательно выслушивает гостя и молниеносно реагирует: «Чушь!» *Wurst!* (96). Затем просит своего слугу купить в лавке «звезды и дырку от бублика» для угощения гостя (44). *Wurst und Sterne soll er kaufen* (97). В этом эпизоде бессмертный афоризм «нравственный закон внутри нас и звездное небо», как готовая модель, внедренная автором «Критики практического разума», подвергается ироническому осмеянию [Письмо Гамана 2013].

После измерительных процедур в Европе, Африке и Южной Америке Гумбольдт отправляется в научную экспедицию по России. Масштабность его планов измерения русских просторов превосходит все разумные пределы. Он планирует построить магнитные обсерватории на всем пустынном пространстве Сибири, заселить его надежными людьми, которые будут знать, как надо наблюдать за приборами. Под Казанью Гумбольдт измеряет земной магнетизм, под Нижним Новгородом – ширину реки Волги, в Астрахани замеряет плотность тумана в рискованной для жизни ситуации на судне, потерявшего ориентацию.

Изображая Россию того времени, Кельман тиражирует характерные этнические стереотипы и клишированные представления о жизни русских в глубинке. На Урале Гумбольдта хлебосольно принимают, угощают водкой и солеными огурцами, после чего он два дня приходит в себя. Быстрая езда русских ямщиков приводит его в ужас. Как чужестранец, Гумбольдт постоянно находится под присмотром охраны. Он недоумевает и находит смешным представленную к нему охрану из казаков, ведь даже в африканских джунглях он чувствовал себя в безопасности. Но «здесь, – отвечают Гумбольдту, – вам не джунгли, а Россия. Охрана совершенно необходима» (129). (Россия открывается европейскому ученому как «опасный Другой».)

Несомненно, описание забавных приключений Гумбольдта в России интертекстуально отсылает читателя к путешествиям Р.-М. Рильке по России (1899 и 1900 гг.). Вслед за Рильке австрийский автор осуществляет попытку выявить в духовном про-

странстве России ту иррациональную составляющую русской культуры, которая в диалоге с рационализмом Запада всегда рождала интереснейшие феномены. Кельман пытается обнаружить того самого «внутреннего человека», о котором писал еще Рильке в поэтическом сборнике «Часослов» (1899-1903). Именно через Россию происходит вторжение непознаваемого «Другого» в расчисленный мир ученых-просветителей и осуществляется погружение в метафизическое и иррациональное.

В финале романа гениальные «измерители мира» Александр Гумбольдт и Гаусс, воплощающие эмпирическое измерение и интуитивное осмысление мира, приходят к выводу о его непознаваемости и неизмеримости, смиренно принимая на излете своей жизни мир таким, каков он есть. Все благие устремления Александра «измерить мир» завершаются крахом. Так огромные просторы страны приводят Гумбольдта сначала к сомнениям, а затем и к краху его стратегии всеобщего измерения. Его научное усердие оказалось ненужным и избыточным. Собрав в России «сотни ящиков» фактического материала, Гумбольдт, в конце концов, «потерял всякий ориентир, где что находится» (131). Гаусс, занимающий на склоне лет статистикой смертей, все время думает о звездах и непостижимости мира. Впервые он понимает, что никогда не сможет вывести формулу звездного неба и что вся его работа и жизнь что-то чуждое и ненужное само по себе. Он приходит к выводу: «Разум ничего не диктует и даже мало что понимает <...>. Мир, если понадобится, можно измерить и исчислить, но это далеко не означает того, что он будет понят» (99).

Итак, роман Даниэля Кельмана «Измеряя мир» представляет собой развернутый постмодернистский диалог современной культуры и культуры эпохи Просвещения с ее идеями и теориями, максимами и формулами. Игровой формат этого диалога автор выстраивает в забавных анекдотических ситуациях не столько для веселого ниспровержения великих умов прошлого, сколько для осмысления серьезных аксиологических и онтологических проблем. Вместе с тем, в анекдотических зарисовках Кельмана чувствуется высокий пиетет перед немецкими просветителями гранди-

озной эпохи, ностальгическая грусть о том, что «время великих навигаторов прошло <...> и никогда больше не вернется» (133) *Die Zeit der grossen Navigatoren sei vorbei und werde nie wiederkehren* (299).

Библиографический список

1. Белобратов, А. В. История австрийской литературы XX века. Т. II. 1945-2000. – М.: ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 2010. – 576 с.

2. Елисеева А.В. Анекдотический дискурс о национальностях и странах в немецкой литературе рубежа XX–XXI веков // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015, № 2 (2). – С. 74-79.

3. Кучумова Г.В., Барабанова Н.В. «Смеховое слово» как средство демифологизации в романах Т. Бруссига // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. Т. 25. № 1, 2019. – С.148–154.

4. Кучумова Г.В. Роман Д. Кельмана «Измеряя мир»: Игровой диалог с немецким Просвещением // Культурные коды мировой литературы: сб. статей IV Всеросс. научно-практич. конференции / отв. ред. Г.Г. Ишимбаева. –Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. – С. 125-137.

5. Пестерев В.А. Полижанровость романа Д. Кельмана «Измеряя мир» // Русская германистика: Ежегодник российского союза германистов. Т.10. – М.: Языки славянской культуры. 2013. – С. 188–195.

6. Письмо Гамана к Х.-Я. Краусу по поводу работы Канта «Что такое Просвещение?» /пер. с нем. и послесл. В.Х. Гильманова // Кантовский сборник. 2013. Вып. 1 (43). – С. 90–97.

7. Goethe J. W. Über den Granit // Goethes Werke / Hrsg. von E. Trunz: Hamburger Ausgabe in 14 Bänden. Bd. 13. – München, 1982. – S. 253–258.

8. Preusser H.-P. Zur Typologie der Zivilisationskritik. Was aus D. Kehlmanns Roman „Die Vermessung der Welt“ einen Bestseller werden ließ. Text + Kritik // Zeitschrift für Literatur. – München: H. L. Arnold. 2008.– S.73–85.

Источники

1. Kehlmann Daniel. Die Vermessung der Welt. – Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2008. – 302 S.

2. Кельман Д. Измеряя мир / пер. с нем. Г. Косарик. – СПб: Амфора, 2009. – 319 с.

**ANECDOTAL DISCOURSE: THE NOVEL “MEASURING
THE WORLD” BY DANIEL KEHLMANN**

The article discusses the novel “Measuring the World” (2005) by Daniel Kehlmann in anecdotal discourse. The anecdotal stories told in the novel are drawn under the umbrella of the metaphor “the measuring the world”, which denotes the main theses of the Enlightenment. Kehlmann masterfully combines humor and light irony. The author destroys the language of rationality, ridicules authorities and parodies official cultural codes. At the same time in the anecdotal stories by Kehlmann, there is a high reverence for the German enlighteners, a nostalgic sadness that the time of the great “navigators” has passed.

Key words: “Measuring the World” novel, Daniel Kehlmann, anecdotal discourse, an author’s anecdote, game dialog, German Enlightenment.